

Н.Р. Славитский
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1880-Х ГОДОВ (по материалам архива Министерства юстиции)

Статья посвящена политической ссылке в Архангельскую губернию в конце 1880-х годов. На основе документальных материалов архива Министерства юстиции рассматриваются судьбы людей, высланных в данную область в административном порядке. В Архангельскую губернию в это время отправляли социалистов из разных областей страны, причем там оказались люди, связанные так или иначе с Г.А. Лопатиным и другими лидерами партии «Народная воля», а также туда старались выслать либо руководителей мелких групп, либо тех, кто действовал в одиночку или, по крайней мере, один привлекался к дознанию.

Политическая ссылка, «Народная воля», Архангельская губерния, Мезень, Холмогоры.

Архангельская губерния в рассматриваемый период использовалась как одна из областей, куда отправляли под надзор полиции людей, связанных с партией «Народная воля» и с другими антиправительственными организациями, а также просто считавшихся «неблагонадежными» в политическом отношении. В частности, некоторых народовольцев выслали туда из-за ареста Г.А. Лопатина. Герман Александрович Лопатин в то время пытался воссоздать партию «Народная воля» (которая была сильно ослаблена арестами, а также предательством С.Г. Дегаева) и ездил по всей стране, беседуя с каждым, кто был настроен мало-мальски оппозиционно. Встречал он в такой ситуации совершенно разных людей – как тех, кто был готов действовать (некоторые из них уже действовали, особенно в юго-западных областях), так и тех, кто просто сочувствовал народовольцам. Сведения обо всех людях он записывал и хранил эти записи при себе, рассчитывая, что в случае ареста успеет их уничтожить. Но сделать ему этого не удалось (задержан он был в октябре 1884 г.), и все его заметки оказались у полиции. Естественно, все люди, упомянутые в этих бумагах, были арестованы и привлечены к дознанию. После этого некоторые из них оказались в Архангельской губернии.

Первой из таких стала Дебора Исаковна Познер – дочь купца, являвшаяся слушательницей Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, учившаяся вместе с Г.Н. Добрускиной и поддерживавшая отношения с группой Д. Благоева – у нее хранилась портативная типография этой группы. В бумагах Г.А. Лопатина оказался ее адрес (на Петербургской стороне в Санкт-Петербурге), и полиция сразу нагрянула к ней с обыском, в ходе которого и обнаружила «принадлежности тайной типографии, сложенные частью в чемодан Познер». Другая часть типографских принадлежностей была найдена в корзине с бельем [5, д. 421, л. 20]. Дебора Исаковна была, разумеется, арестована, с 7 октября по 30 ноября 1884 г. находилась в заключении в тюрьме Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской

крепости, затем ее перевели в Дом предварительного заключения, где она оставалась вплоть до окончания дознания [3, д. 622, л. 48 об., 53].

На допросе она заявила, что «типографские принадлежности принесены к ней по частям лицом, которое она назвать не желает». Вскоре после этого в Санкт-Петербургском жандармском управлении было получено письмо о Д. Благоева из Софии, в котором тот сообщал, что поместил у нее эту типографию, при этом подчеркнул, что Познер «революционных убеждений не имеет» и может быть только сочувствует революционному направлению (а он для получения ее согласия «действовал на ее самолюбие») [5, д. 421, л. 21 об.–22].

Но у министра юстиции было несколько иное мнение, он пришел к выводу, что Д.И. Познер изобличается «в сношениях с революционными деятелями и в имении запрещенных изданий, а также в оказании означенным деятелям содействия, помещением у себя на хранение принадлежностей тайной типографии, о преступном назначении которой обвиняемой не могло не быть известно» и «в знакомстве и совместном проживании с лицами, привлеченными ныне к ответственности по обвинению в государственных преступлениях». Поэтому предложил выслать ее под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию сроком на три года [5, д. 421, л. 27]. 8 января 1886 г. это было утверждено императором, после чего Дебору Исаковну отправили в Пинегу. Там она вскоре скончалась (до 1889 г.).

В упомянутой выше квартире Д.И. Познер была оставлена засада. На следующий день после ее ареста в квартире задержали студента Учительского института Петра Мануиловича Панкратьева, в карманах у которого обнаружили рукописное воззвание «от группы русских конституционалистов» (написанное самим П.М. Панкратьевым), рукописи и стихотворение «преступного содержания», а также большое количество зашифрованных заметок и адресов [5, д. 421, л. 23–24].

На допросах он отказался давать какие бы то ни было показания, а на запрос полиции в Учительский институт был получен ответ, что П.М. Панкратов уже «навлекал на себя подозрение в хранении и распространении запрещенных изданий». Поэтому все тот же министр юстиции посчитал, что Петр Мануилович «изобличается в сношениях с революционными деятелями и в имении запрещенных изданий», поэтому предложил выслать его под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию сроком на три года [5, д. 421, л. 27].

В январе 1886 г. император утвердил также и доклад о высылке в ту же область сроком на 5 лет топографа Орлово-Витебской железной дороги Франца Иосифовича Баньковского, который «изобличен в сношениях с членами революционного сообщества, причем оказывал услуги противоправительственной партии доставлением на несколько дней приюта подозрительной личности, оставшейся невыясненной, кроме того, еще до возникновения дознания навлекал на себя сомнения в политической неблагонадежности» [5, д. 421, л. 140–141].

В июне 1886 г. в Архангельскую губернию были отправлены под надзор полиции А.П. Саввина и А.Н. Шипицин. 29-летняя дворянка Анна Павловна Саввина, дочь статского советника, работавшая учительницей, была арестована еще 7 октября 1884 г. в квартире Г.А. Лопатина на следующий день после его задержания. На первом допросе она указала, что познакомилась с Г.А. Лопатиным в Большом театре в конце 1883 г., знала также Н.М. Салову (которая так же являлась в то время одним из руководителей партии) [5, д. 423, л. 9].

25-летний сын коллежского советника Александр Николаевич Шипицин был привлечен к дознанию по причине того, что у полиции имелись сведения о передаче ему Н.М. Саловой подложных паспортов, а также в связи с тем, что он был связан с людьми, помогавшими политическим ссыльным и заключенным, «и вообще являлся крайне неблагонадежным в политическом отношении» [5, д. 423, л. 16–19].

В итоге их признали виновными «в принадлежности к преступному революционному сообществу – “Союзу молодежи партии Народная Воля”, создававшемуся П.Ф. Якубовичем с осени 1883 г.» [5, д. 423, л. 20 и об.] и выслали в Архангельскую губернию сроком на три года [5, д. 423, л. 25].

Спустя месяц аналогичная участь постигла еще одну группу людей, чьи имена были у Г.А. Лопатина. Среди них был Петр Самсонович Кравченко, который вырос в Астрахани в семье купца. В начале 1880-х гг. он отправился учиться в Москву, сначала в коммерческое училище, а в 1882 г. поступил в Петровскую земледельческую академию. Надо сказать, что это учебное заведение с начала 1870-х являлось одним из основных центров революционного движения в Москве. И в том десятилетии (как и в следующем) из ее стен вышло немало народников. П.С. Кравченко, возможно, также относился к их числу, хотя ничем проявить себя в антиправительственной среде не успел.

Его задержание произошло во многом случайно. 5 октября 1884 г. он зашел в квартиру одного из студентов академии Виктора Павловича Беляевского,

который накануне был арестован (и скончался в период следствия), а в той квартире оставалась засада. Во время обыска Петр Самсонович разорвал одну из имевшихся у него бумаг, но в полиции смогли восстановить этот документ, и оказалось, что это было письмо от Г.А. Лопатина [5, д. 423, л. 107]. А среди бумаг, найденных у Г.А. Лопатина, имелся список студентов Петровской земледельческой академии. В нем было 14 человек, и в их числе – Петр Самсонович [5, д. 423, л. 17 об.–18]. Поэтому П.С. Кравченко решили отправить в Санкт-Петербург, и вскоре (28 апреля 1885 г.) он оказался в одной из камер тюрьмы Трубецкого бастиона в Петропавловской крепости – в знаменитой «Русской Бастилии» (оставался там до 6 марта 1886 г., когда был переведен в Дом предварительного заключения) [3, д. 593, л. 19 об.].

Петра Самсоновича, по-видимому, считали одним из близких сообщников Г.А. Лопатина (к тому же арестованы они были практически одновременно), поэтому и решили запереть его понадежнее. На допросах он отрицал свое знакомство с Г.А. Лопатиным [5, д. 423, л. 109], но обнаруженное у него письмо убеждало жандармов в ином. Тем не менее в суд вместе с руководящим ядром Народной воли Петра Самсоновича отправлять не стали, решив его судьбу «в административном порядке».

Вместе с ним к дознанию было привлечено еще несколько человек, которые во время дознания помещались в других тюрьмах.

Дмитрий Алексеевич Самсонов, 29 лет, сын чиновника, инженер-механик, окончивший курс Императорского Московского технического училища и состоявший воспитателем в Рукавишниковском исправительном приюте для малолетних в городе Москве. Его адрес был обнаружен у бежавшего в 1884 г. из Сибири народника М.П. Овчинникова, а также у Г.А. Лопатина. 10 декабря 1884 г. у Д.А. Самсонова был произведен обыск, в ходе которого обнаружили несколько революционных изданий и около 30 фунтов типографского шрифта [5, д. 423, л. 109–110].

Станислав Осипович Хлусевич, 24 лет, мещанин Ковенской губернии, не окончивший курса Императорского Московского технического училища и состоявший воспитателем и учителем в Рукавишниковском исправительном приюте. Был привлечен к делу, так как родственница Д.А. Самсонова показала, что получила от него запрещенную литературу, и у него при обыске обнаружили сочинения Лассалья, типографский шрифт, «железные тиски, представляющие собой так называемый верстак, употребляемый для набора шрифта при печати» [5, д. 423, л. 111 об.].

Анна Ивановна Синькевич, 30 лет, дворянка, фельдшерка, акушерка, не окончившая курса гимназии. Была привлечена к дознанию в связи с тем, что у Г.А. Лопатина обнаружили записку с упоминанием ее имени, а у нее при обыске нашли экземпляр газеты «Народная воля» и фотографию политссыльного Владимира Жебунева. Анна Ивановна отрицала всякие сношения с партией, объяснила, что «Вестник Народной воли» купила из любопытства у букиниста, но из ее дальнейших объяснений выяснилось, что она знакома со многими людьми, обвинявшимся в государственных преступлениях [5, д. 423, л. 112 об.–113 об.].

Анна Яковлева Захарьянц, 22 лет, девица, мещанка Ковенской губернии, по занятию фельдшерница, окончившая курс гимназии, – «то же, что и у А.И. Синькевич» [5, д. 423, л. 112 об.–113 об.].

Министр юстиции, изучив материалы дознания, написал в докладе императору: «эти люди не изобличаются в принадлежности к какой-либо определенной преступной организации, тем не менее, на основании собранных у них сведений и найденного у них поличного, должны быть признаны политически неблагонадежными» [5, д. 423, л. 128 об.]. При этом П.С. Кравченко он относил к числу наиболее опасных «в виду близких отношений к столь важному революционному деятелю как Лопатин». Но наказание для всех упомянутых лиц было одинаковым – они были в административном порядке высланы в Архангельскую губернию под надзор полиции сроком на 5 лет (это было утверждено императором 16 июля 1886 г.) [5, д. 423, л. 131].

Архангельский губернатор определил П.С. Кравченко в Мезень, где вместе с ним жили А.Н. Щепицин, А. Стефанович и П.И. Моисеенко. По прибытии на место выяснилось, что найти работу в этом городе практически невозможно, поэтому ссыльным пришлось освоить столярное мастерство и создать столярную мастерскую [1, с. 166–167].

Жили поднадзорные коммуной – сняли общую квартиру и все заработанные деньги вносили в общую кассу. На эти средства закупали продукты и все необходимое, готовили тоже сами. Такие коммуны возникали у ссыльных повсеместно, как в северных областях, так и в Сибири, – другой возможности выжить у людей просто не было. Старались поддерживать хорошие отношения с местным населением, П.И. Моисеенко позже в воспоминаниях писал, что к ним приходили учителя, а также дочь местного полицейского исправника (тоже довольно распространенное явление в местах ссылки), и в таких случаях Петр Самсонович играл на скрипке [1, с. 168]. Но жить в Мезени ему довелось недолго, всего один год, вместо положенных пяти. В 1887 г. его отправили этапным порядком в Туркестан (в город Коканд) для отбывания воинской повинности (то есть для прохождения военной службы). А остальные высланные вместе с ним, за исключением Д.А. Самсонова, по всей видимости, оставались в Архангельской губернии до окончания срока надзора.

Дмитрию Алексеевичу в 1890 г. «ввиду болезненного состояния и безукоризненного поведения в ссылке» был разрешен отпуск в Таврическую губернию, а в 1891 г. ему позволили посетить отца, жившего в области Войска Донского. Прибыв в Новочеркасск, Д.А. Самсонов, «крайне нуждаясь в средствах на содержание себя и семьи, состоящей из жены и ребенка, обратился к подлежащему начальству с просьбой о предоставлении ему какого-нибудь места по его специальности». Поднадзорным запрещалось поступать на государственную или общественную службу, а его специальность, вероятно, заинтересовала местные власти, так как наказной атаман Войска Донского обратился в министерство внутренних дел с ходатайством о прекращении надзора. Не исключено, что сыграли роль и связи родственников инженера – министр поддержал обращение и отметил, что

«Дмитрий Самсонов, проживая в Новочеркасске среди своих родных, из коих его брат состоит советником областного правления, а отец отставной надворный советник беспорочно прослужил свыше 35 лет, скажется при благотворном на него влиянии со стороны упомянутых лиц». Поэтому император утвердил это ходатайство [5, д. 434, л. 287–291].

Незадолго до П.С. Кравченко в Архангельской губернии оказался еще один студент Петровской академии – 19-летний дворянин Александр Николаевич Ерофеев. Он по каким-то причинам оказался на подозрении у полиции, и в мае 1885 г. по распоряжению директора Департамента полиции у него был произведен обыск, в ходе которого обнаружили типографию (точнее, так называемую «цинкографию») и отпечатанные произведения Ф. Энгельса и Ф. Лассаля. Любопытно, что на допросах он заявил о том, что не принадлежит ни к какой из организаций, и в то же время признал, что сочувствует революционному движению в целом, а также оказывал помощь политическим ссыльным, живущим в Ялуторовске (Тобольской губернии) «и посылал им денежную помощь, так как слышал, что некоторые из них находятся в бедственном положении» [5, д. 421, л. 147, 154–155]. Конечно, предположение о том, что человек, занимающийся печатанием запрещенных книг, действует в одиночку и не связан ни с какой организацией, выглядело не очень убедительно. Однако никаких подробностей дознанию выяснить не удалось, поэтому дело было решено в административном порядке, и власти ограничились высылкой его под надзор сроком на три года [5, д. 421, л. 162].

Таких же «одиночек», занимавшихся тиражированием нелегальной литературы, в июле 1885 г. обнаружили в Самаре. Это были – 20-летний сын священнослужителя Николай Терентьевич Тихомиров, учившийся в Саратовской гимназии, 18-летний фельдшерский ученик Иван Карпович Иванов (выпускник Самарской земской фельдшерской школы), а также 38-летний отставной коллежский регистратор Александр Алексеевич Ахаткин, приехавший незадолго до того в Поволжье из ссылки в восточной части Сибири, куда он был выслан в 1879 г. «за произнесение дерзких слов о верховной власти и крайне предосудительный образ жизни». Вроде бы более старший и более опытный товарищ должен был стать старшим, но, скорее всего, А.А. Ахаткин не был сознательным революционером, а в ссылке оказался случайно, покритиковав власть (то же самое с ним произошло и незадолго до ареста в Самаре, когда он, будучи в нетрезвом состоянии, позволил себе «дерзкие отзвы от верховной власти»). К тому же во время дознания он подал заявление «с выражением чистосердечного раскаяния». А вот Н.Т. Тихомиров еще в 1884 г. привлекался к дознанию по обвинению в тиражировании и разбрасывании прокламаций вместе с другими лицами в Саратове. Тогда он отделался легко (правда, был вынужден оставить гимназию и переехать в Самару) и решил продолжить антиправительственную пропаганду. Поэтому его посчитали опасным, и в апреле 1886 г. было принято решение выслать его (а также и И.К. Карпова) в Архангельскую губернию [5, д. 422, л. 80–85].

Практически за аналогичные действия в ту же область чуть позже – в мае 1887 г. была отправлена 20-летняя дочь штабс-капитана Людмила Евграфовна Ермилова, которая занималась сбором денег для народовольцев, находившихся на каторге. Когда об этом узнала полиция, у нее был проведен обыск, в ходе которого обнаружили запрещенную литературу. На допросах Л.Е. Ермилова отрицала, что связана с революционерами, но ее посчитали личностью «неблагонадежной в политическом отношении» и решили выслать на север под надзор полиции [5, д. 425, л. 436–437].

Помощь политическим заключенным действительно старались оказывать многие, в Москве и Санкт-Петербурге регулярно возникали организации, старавшиеся делать это централизованно, однако органы политического сыска старались людей, оказавшихся в поле зрения полиции, представлять именно одиночками.

В октябре 1886 г. в Архангельскую губернию была выслана 28-летняя дочь купца Мария Ковалева (ее отчество, к сожалению, в документах не указано), примкнувшая к революционному движению еще в 1870-е годы. В 1878 г. она была подчинена надзору полиции в доме своей мамы (в Елисаветградском уезде) за хранение запрещенной литературы [4, д. 467, л. 5; 5, д. 424, л. 236]. Однако два года спустя она скрылась от надзора [4, д. 467, л. 7] и стала принимать активное участие в антиправительственной пропаганде, что и стало причиной высылки [5, д. 424, л. 257].

В 1887 г. в эту же губернию были отправлены еще два студента Петровской академии. Первый из них – Вильгельм Иванович Русс, у которого весной 1886 г. были найдены «списки лиц, арестованных за политические преступления в Москве, с заметками об их положении, а также нелегальные издания» [5, д. 425, л. 69–74]. Второй – крестьянин Минской губернии Феликс Игнатьевич Яворский, который «заведывал существовавшим при Петровской академии “отделением общества помощи политическим ссыльным и заключенным”, а также хранил большое количество запрещенной литературы» [5, д. 427, л. 330–332].

В тот период бывали и случаи, когда независимо от партии «Народная воля» возникали небольшие самостоятельные организации (кружки). Правда, они оказывались недолговечными. Один из таких кружков в 1882–1883 гг. существовал в городе Рогачеве Могилевской губернии. Создателем его был студент Харьковского ветеринарного института Абрам Роселевич Мароглин. Весной 1884 г. он и его товарищи были арестованы, после чего началось дознание, длившееся, надо сказать, довольно долго для такой небольшой группы. С чем это было связано в данном случае, мы не знаем, возможно, после того, как начались аресты руководителей «Народной воли» и людей, связанных с ними, про молодежь из Рогачева элементарно забыли. Как бы то ни было, дознание завершилось лишь в феврале 1886 г., когда министр юстиции представил императору доклад с предложением выслать А.Р. Мароглина на три года в Архангельскую губернию, а его помощников – Левина Хаимовича Беркова и Давида Залманиновича Бродского – в Олонецкую (тоже на три года) [5, д. 421, л. 186–195].

Похожий кружок в середине десятилетия появился в Кишиневе, возглавил его бывший ученик Одесского юнкерского пехотного училища Александр Александрович Машицкий, но он прекратил свое существование совсем быстро после того, как А.А. Машицкий решил дать для чтения запрещенную книгу своему товарищу по училищу, подпоручику Ставропольского полка, которого он однажды встретил, прогуливаясь по бульвару. Видим, это была первая попытка начинающего революционера заняться распространением нелегальной литературы, и она оказалась неудачной – офицер тут же доложил об это своему начальству. Это дело, в отличие от предыдущего, было решено очень быстро – в августе 1887 г. А.А. Машицкого арестовали, а в октябре того же года уже выслали в Архангельск [5, д. 426, л. 436–439].

В 1887 г. завершилось дознание по делу о военно-революционных кружках партии «Народная воля», которые были созданы стараниями М.А. Брагинского [6, с. 137–141]. Организаторы этого кружка и лидеры организации были отправлены в Восточную Сибирь, а в Архангельской губернии оказались Петр Редько (на 4 года), Алексей Никонов и Михаил Беляевский (на 3 года) [5, д. 426, л. 314–348; 2, с. 166].

Затронуло архангельскую ссылку и дознание, связанное с покушением на императора Александра III 1 марта 1887 г. группой Александра Ильича Ульянова. Дело в том, что еще осенью предшествовавшего года, вскоре после демонстрации на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге (она состоялась 17 ноября 1886 г. в день 25-летия кончины Н.А. Добролюбова и была разогнана полицией) студентами Санкт-Петербургского университета А.И. Ульяновым, П.Я. Шевыревым, О.М. Говорухиным, М.Н. Канчером, П.С. Горкуном и студентами Горного института Д.В. Голубятниковым и Н.Ф. Погребовым по адресам высших должностных лиц империи была разослана прокламация. В ней порицались действия правительства (в том числе репрессии и разгон демонстрации), а также указывалось, что «грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности». На практике, как известно, никакой организации в то время не сформировалось, группа занялась подготовкой террористического акта, и после их ареста полиции стали известны имена тех, кто занимался рассылкой этой прокламации (это были упомянутые выше студенты). Дмитрий Васильевич Голубятников и Николай Федорович Погребов не принимали участия в подготовке покушения и были лишь привлечены к дознанию о распространении воззвания, поэтому дело было решено в административном порядке. По предложению министра юстиции, утвержденному императором 10 сентября 1887 г., они были высланы под надзор полиции в Архангельскую губернию [5, д. 426, л. 243–248].

Косвенно с этим делом был связан 22-летний дворянин, студент Санкт-Петербургского университета Василий Васильевич Водовозов. У А.И. Ульянова в марте 1887 г. было обнаружено письмо от В.В. Водовозова, которого тогда не стали привлекать к дознанию (или не смогли обнаружить). А год спустя, 25 февраля 1888 г., в брошюровочной мастерской,

принадлежащей дворянке Кармалиной и находившейся в Санкт-Петербурге по Малой Итальянской улице были обнаружены запрещенные издания [5, д. 428, л. 77 и об.].

Содержательница мастерской показала, что все эти материалы она получила от В.В. Водовозова, которого нашли и обыскали в тот же день. Обнаруженные книги и записки свидетельствовали о том, что Василий Васильевич был довольно тесно связан с членами партии «Народная воля». Сам он это отрицал, признав лишь то, что «оказывал содействие» в издании сочинения Туна, и отказался назвать человека, от которого получил все указанные материалы. Он также не отрицал, что был знаком с А.И. Ульяновым и его товарищами, однако привлечь его к следствию по делу этой группы (завершившемуся к тому времени) было невозможно. Скорее всего, именно по этой причине власти решили ограничиться высылкой его в г. Шенкурск Архангельской губернии сроком на 5 лет [5, д. 428, л. 85].

Там он, однако, прожил недолго. В феврале 1890 г. министерством внутренних дел было признано возможным «ввиду имевшихся сведений о безукоризненном поведении Водовозова в месте ссылки» дозволить ему временное пребывание в Санкт-Петербурге для сдачи экзамена на степень кандидата прав. Затем он вернулся в Шенкурск, а в следующем году подал прошение о разрешении ему отбыть остающийся срок полицейского надзора в Самаре, так как северный климат плохо действует на его здоровье, кроме того, в Шенкурске отсутствуют библиотеки и книжные магазины, и это не позволяет ему продолжать заниматься наукой и готовиться к экзамену на степень магистра. Министры внутренних дел и юстиции сочли это возможным, и Василию Васильевичу разрешили переехать в Самару [5, д. 435, л. 143–145].

Несколько человек оказались в северной ссылке по делу С.Ф. Михалевича – дворянина из Варшавы, входившего в начале 1880-х годов в состав польской социально-революционной партии, поддерживавшей тесные связи с «Народной волей». В 1883 г. он был выслан в Восточную Сибирь, но через два года бежал из ссылки и поселился в Москве, где попытался наладить антиправительственную пропаганду. Однако очень быстро попал под наблюдение полиции, которая сначала выявила все его связи, после чего арестовала всех, кто поддерживал с ним отношения. Всего к дознанию было привлечено 15 человек, часть из них (включая самого С.Ф. Михалевича) отправили в Восточную Сибирь, а двух девушек – в Архангельскую губернию.

Это были 19-летняя дочь купца Вера Петровна Шейдакова, учившаяся в частной гимназии, и 20-летняя дочь екатеринбургского купца Александра Ивановна Шабалина, бывшая фельдшерница Московской Александровской больницы. По словам министра юстиции, они изобличались «в преступных сношениях с революционными деятелями», А.И. Шабалина, по агентурным данным, «входила в состав одного из тайных кружков в Москве, В.П. Шейдакова же представлялась «личностью крайне неблагонадежной в политическом отношении» [5, д. 426, л. 136].

Более мощная организация в 1883–1886 гг. существовала в Демидовском юридическом лицее в Яро-

славле. Члены этого кружка, по данным полиции, «поддерживая сношения с преступными агитаторами, занимались пропагандой революционных идей путем распространения подпольных изданий, а также собирали деньги для оказания содействия противоправительственному движению» [5, д. 427, л. 206]. Кроме того, со студентами этого учебного заведения поддерживал отношения Иван Трофимович Цыценко – народовец из Харькова, находившийся в то время в розыске и скрывавшийся в Ярославле [5, д. 428, л. 157–163]. Органам дознания стало известно, что члены ярославского кружка помогали ему, и это им было поставлено в вину. Лидеров кружка было решено отправить в местности Западной Сибири, а другие участники в ноябре 1887 г. оказались в Архангельской губернии. Это были Дмитрий Федорович Макаревский, Анфим Петрович Клитин, Иван Васильевич Мышляев. Все трое – сыновья священнослужителей и студенты Демидовского лицея (в это учебное заведение вообще старались принимать детей из церковного сословия). Им были предъявлены обвинения в том, что они входили в состав кружка, производили сборы средств для него, а также «поддерживали знакомство со скрывавшимся в Ярославле Иваном Цыценко» [5, д. 427, л. 186–187].

Помимо них еще в апреле 1887 г. в Архангельскую область выслали и супругу И.Т. Цыценко Анну Васильевну (до замужества – Анна Моисеевна Ратнер). Ее обвиняли в том, что она ранее поддерживала связи с членами антиправительственного кружка в Полтавской губернии, а позже, когда жила вместе с мужем в Курске, тоже общалась «с политически неблагонадежными лицами» [5, д. 425, л. 274].

Большая группа людей была выслана в Архангельскую губернию в июле 1888 г. после обнаружения типографии в Москве по обвинению в том, что «сочувствуя противоправительственному движению, принимали деятельное участие в сокрытии принадлежностей тайной типографии». Это были совсем молодые люди:

23-летняя дочь генерал-майора дворянка Клеопатра Фроловна Чеботарева, являвшаяся слушательницей женских курсов при 3-й Московской мужской гимназии.

24-летняя дочь есаула уральского казачьего войска Клеопатра Давидовна Савичева (тоже слушательница курсов при 3-й гимназии).

22-летний архитекторский помощник Лев Исааков Зунделевич, 20-летний ученик Московской 6-й гимназии Шендер Самуилович Гуревич (сын купца города Орши), 18-летняя мещанка Геня Яковлевна Гуревич, 28-летний писмовод Элипт Янкелевич Кравцов, бывший студент Московского университета Николай Иванович Горев – 21-летний крестьянин Нижегородской губернии, 17-летний ученик школы Филармонического общества в Москве Нота Давидович Болотин (мещанин города Мстиславля Могилевской губернии), 21-летние студенты Петровской земледельческой академии Павел Васильев Тегеев и Сергей Яковлев Стечкин, казак Забайкальской области Иван Софронович Иконников. Каждому из них было предписано 5 лет жить в Архангельской губернии под надзором полиции [5, д. 430, л. 38–41, 44–45, 47, 49–50].

Таким образом, в Архангельскую губернию в это время отправляли социалистов с разных областей

страны, причем там оказались люди, связанные так или иначе с Г.А. Лопатиным и другими лидерами партии, а также туда старались высылать либо руководителей мелких групп, либо тех, кто действовал в одиночку. Отметим также некоторую бессистемность наказания – за более мелкие повинности могло быть более суровое наказание и наоборот.

Литература

1. Алексеев, П. Рабочее движение в России в описании самих рабочих (от 70-х до 90-х годов) / П. Алексеев, В. Герасимов, П. Моисеенко, В. Панкратов. – Москва, 1933. – С. 160–173.

2. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях за время... – Санкт-Петербург, [б. и.], 1888. – [Т]. 12: ... с 1-го января 1887 г. по 1-е января 1888 г. – 210 с.

3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1280. – Оп. 1.

4. РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 1.

5. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 521.

6. Троицкий, Н.А. Дело о военно-революционных кружках 1887 г. (Процесс «18-ти») / Н.А. Троицкий // Военно-исторические исследования в Поволжье. – Саратов, 2003. – Вып. 5. – С. 137–141.

N. R. Slavnitsky

POLITICAL EXILE TO THE ARKHANGELSK PROVINCE IN THE LATE 1880S (BASED ON THE MINISTRY OF JUSTICE ARCHIVES)

The article is devoted to the political exile to the Arkhangelsk Province in the late 1880s. Based on the documentary materials of the archives of the Ministry of Justice, the fates of people sent to that area by administrative order are examined. The Arkhangelsk Province of that time became a place of exile for socialists from different regions of the country, and there were people connected with G.A. Lopatin and other leaders of “Narodnaya Volya” party, and also they tried to expel there either the leaders of small groups or those who acted by oneself or at least was involved in the inquiry alone.

Political exile, “Narodnaya Volya”, Arkhangelsk Province, Mezen, Kholmogory.